

УДК 911.3

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ, КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ДИКАЯ ПРИРОДА

© 2018 г. Владимир Н. Бочарников

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия
E-mail: vbocharnikov@mail.ru

Поступила в редакцию 04.10.2016 г.

Аннотация. Гуманитарное знание предстает ныне в “наделенности” человечески-значимым и значащим смыслом содержания реальности. Воплощение картины мира происходит в многозначной ассоциации знаков, символов, представлений и образов природы с их “человеческим” пониманием, личностной и социальной интерпретацией, география лишь “встраивается” в такого рода быстротекущие процессы. Природа же никогда и не была для человека, она существует всегда “сама по себе”, и “для себя”, человеку же достоверно “прочитать” и передать ее смысл оказывается возможным лишь при условии постижения собственной ограниченности познания. В данной статье предлагается авторская позиция сопоставления, визуализации и интерпретации противоположных “смысловых полюсов” – дикой природы и культурного ландшафта. Именно в контрастной дихотомической теоретической проявленности такого рода заключен трансцендентный смысл объединения чувственного (образного) и рационального (логического) познавательных стилей географического мышления. Аспекты прикладного применения теории противоречивого сосуществования континуума дикой природы и антропогенных ландшафтов демонстрируются сопоставлением ареалов традиционного природопользования коренных малочисленных народов азиатской части России и областей, в различной степени измененных антропогенным воздействием.

Ключевые слова: дикая природа, культурный ландшафт, традиционное природопользование, географическое мышление, перцепция, культурная география, ГИС.

DOI: 10.7868/S2587556618030111

SPATIAL THINKING, CULTURAL GEOGRAPHY AND WILDERNESS

Vladimir N. Bocharnikov

Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
E-mail: vbocharnikov@mail.ru

Received October 04, 2016

Abstract. Humanities appears now in the “endowed” human being significant and meaningful knowledge as the appropriate meaning of the content of reality. The embodiment of the world picture occurs in multivalued association of signs, symbols, representations and images, where the geography are the only “embedded” in this kind of quickly current processes. Nature was never to humans, it always exists “in itself” and “for itself”, and the man validly “read” and convey its meaning turns out to be possible discourse, while its understanding borders their own limitations of knowledge. In this paper the author’s position are considering via appropriate mapping and interpretation of the opposing “semantic poles” – a wilderness and cultural landscape. In contrast, dichotomous theoretical manifestation of this kind concluded the transcendental meaning of sensory associations (imagery) and rational (logical) cognitive styles of geographical thinking. The concept of the existence the wilderness continuum demonstrates the existing still areas of traditional nature use of indigenous peoples of the Asian part of Russia and those, which modified by anthropogenic development within territory of Siberia.

Keywords: wilderness, cultural landscape, traditional nature use, geographic thinking, perception, cultural geography, GIS.

Введение. Принципы философской концепции холизма, утверждающего приоритет целого перед его составляющими частями, несводимого к разделенной сумме частей, начинают играть существенную роль в тех случаях, когда задача исследований заключается в получении синтетического

знания об объекте, и когда сам объект является достаточно сложным в системно-структурном представлении. Древнегреческие софисты в понимании природы вкладывали смысл того, что: “само себя разворачивает без какого-либо внешнего принуждения ... то, что природа в своей свободе создает, является необходимым, в отличие от законов, созданных человеком”. От этой фундаментальной мировоззренческой позиции человека происходит движение к плюралистическому меняющемуся социальному миру, в котором главенствующую роль играют разнообразие, разноурядоченность, самоорганизация, неустойчивость, неравновесность, сложность, нелинейные отношения.

Очевидно, что познание всех необходимых аспектов этого должно быть адекватно сложности существующей реальности. Конструктивистские воззрения, гласящие, что релевантная реальность активно конструируется нами, должны включать и мысль, что конструирование окрашивается тем, что представляется наиболее важным. При том, что сам познающий человек должен быть “внутри” места, как бы погруженным в него, с тем, чтобы иметь возможность наделить его смыслом. В этой связи в современных естественных и общественных науках наметился явный парадигмальный сдвиг от статистической, механической картины мира с ее линейными зависимостями к той, где господствует порядок, стабильность, устойчивость, равновесие. Функционирование же сознания человека предопределяет построение особой нефизической или ментальной реальности либо с помощью рационального (терминологического) рассуждения, которое характерно для классического научного дискурса, либо с широким использованием метафоры, занимающей центральное место в религиозных, метафизических и мистических текстах.

Пространственно-временное географическое изучение “следов” человека, его основных отношений – к самому себе, к обществу, культуре, природе ... “выдает” глубокие и основательные знания о мире; сам человек пытается найти, уловить, упорядочить меняющееся понимание природного, общественного, культурного, стремясь получить и использовать к своей пользе любое знание географического характера. Цель данной статьи состоит в раскрытии смыслового единства и особенностей взаимосвязей психологических аспектов географического мышления и конструктивного восприятия “противопоставленных” географических образов – культурного ландшафта и дикой природы, интерпретируемых методами культурной географии и визуализированных с помощью технологий ГИС как особый феномен географического

пространства. В теоретическом смысле данная работа развивает позицию, которая выкристаллизовалась в рамках междисциплинарной методологии психосемантики, перцепционной географии и квантовой физики, в традициях постнеклассической рациональности, что передается авторским тезисом: “мы можем мыслить *реальность* как целостную бесконечную систему потенциально возможных состояний” [1].

Релятивистский концепт пространства в культурной географии. География нередко определяется как наука о пространственной организации, моделях и процессах, корреляционных связях и взаимодействиях [7]. Индивидуальное ощущение “пространственности” всегда есть, оно – невидимо, непознаваемо, непостижимо, но обязательно продолжает быть “встроенным” и действующим в повседневных рефлексиях человека. А то, что находится по “другую сторону” нашей привычной формы сознания и не представлено в нем непосредственно, мы относим к бессознательному [18, с. 899].

Архетипическая константа природы, таким образом, не “уходит” из культурного сознания современного человека. И хотя нынешнее ее “разумное” представление опосредуется социумом, закодированное бессознательным сохраняется как наиболее полное и верное знание о природе, не сопоставимое с возможностями познания любой из других современных наук. С этим сопряжена конструктивность любых показателей, отражающих представления о географическом пространстве в разных культурных контекстах; транслирующие образы различных местностей и территорий; выражающие отношение местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди – носители той или иной культуры [23].

Идеи и понятия гуманитарной географии образуются как результат абстрагирования, идеализации и конструирования культурного опыта [2]. В этой дисциплине категория времени выражает проявление бытия с точки зрения прошлого, настоящего и будущего и покоящихся на них отношениях в динамическом аспекте происходящих изменений. Но наиболее реалистично видимыми маркерами течения времени предстают культурные ландшафты, “выраженные” в гуманитарной географии как описание, конструкт или модель, а также не менее традиционно и, возможно, наиболее полно отображаемые в картографическом формате [9, с. 3].

Философская позиция релятивизма как научно-мировоззренческой установки популярно выражается формулой: “все относительно”, но под “относительностью” имеют в виду обычно изменимость

значения какого-либо свойства, состояния, характеристики мысленного абстрагирования в зависимости от определенных обстоятельств, а также феноменологическое восприятие, конструктивизм и опосредованное понимание диалектики взаимосвязей отдельных свойств объектов познания [27]. Учитываем здесь также данность того, что с начала своего появления человек стремился создать себе комфортные условия с тем, чтобы можно было успешнее выживать в природе; фундаментальным же обстоятельством и условием адаптации послужил процесс непрерывного человеческого познания окружающей среды и, как следствие, развития гибкости восприятия.

В современной контекстности культурной географии в обязательном порядке должна подразумеваться “законная встреча” противоположностей — природной и культурной компоненты единого вектора восприятия, как и должны быть динамично определяемы доли присутствия, выстроен характер гармоничного сочетания естественного и искусственного, что пока еще не фиксируется и не отображается должным образом географами-исследователями [8]. Синтез и интеграция же различных концепций и подходов географии последовательно осуществляются признанием в качестве единого и предполагаемо-целостного исследовательского объекта — географической оболочки, природно-территориального комплекса или ландшафта, геосистемы, идеализируемой в абстракции картографического отображения пространства “дикой природы” России.

Именно поэтому с учетом хорошо разработанных концепций отечественного ландшафтоведения для адекватного географического отображения тех огромных территориальных трансформаций, что вызваны были деятельностью человека, по нашему мнению, должен быть найден и введен в теорию культурной географии особый конструкт — “дикая природа”, обозначающий высший уровень природной сохранности земных территорий и акваторий [3].

Восприятие и конструктивизм в географии — психологический аспект. Образ природы, как и культуры, в “человеке” живет, действует, реализует себя не в противостоянии объективной физической реальности, а “внутри” собственного персонального или, по В.Н. Кобылянскому, в пределах “экоориентированного” мира [11]. Философские и общенаучные категории “природа”, “человек”, “культура”, “общество”, как и семантика комбинаций их многообразного использования, составляют ныне огромный информационный пласт, детально рассматривать который невозможно без

конкретизации и постановки точной научной задачи [4]. Концептуальным основанием этого служит тезис из антропологической схемы Мишеля Фуко, констатирующий, что познание мира осуществляется всегда конкретным человеком с присущими ему культурно-обусловленными формами потребностей, посредством собственной телесности, в образах и с помощью предопределенного ему языка [21].

Психологами отмечается, что в обычном восприятии реализуется переход от неосознанных состояний к пространственно-временному оформлению зрительных ощущений (в результате категоризации — аналога редукции волновой функции) в объект [16]. Известный антрополог Клод Леви-Строс заключает, что основное предназначение мышления человека состоит в непрерывных попытках классификации (структурирования) элементов Хаоса и формировании Порядка (Космоса), что убедительно доказывает поразительная глубина выстраивания системных оппозиций, сохранившаяся до сих пор в традициях южноамериканских индейцев [15].

Мышление огрубляет реальность, определяет ее схематизацию, конструирует объективный предмет познания. Любой объект гуманитарного характера превращается в “смысловую реальность”, которая разворачивается лишь при контактах познающего субъекта с фрагментом бытия и формируется как конструктивная оценка и переоценка сопричастных с этим личностных ценностей и смыслов. Воплощение картины мира происходит в многозначной ассоциации знаков, символов, представлений и образов, география лишь “встраивается” в такого рода быстро текущие процессы.

Новые концепты географической науки меняют исследовательскую парадигму с ее описательной функции к современному статусу “смысловой” географии. Каждый этнос, национальная культура сформировали свой этнокультурный ландшафт, и определенно культурным ландшафтом можно рассматривать всю территорию, освоенную человеком, всю Ойкумену. Статус “настоящее”, “прошлое” или “будущее” предстает как относительный и характеризуемый тем, что каждый раз событие конгруэнтно “геометризируется” пространством; познание этого процесса в редуцированном виде передается главной проекцией географии — территорией.

Конструкт “дикая природа” и осваиваемое пространство России. Объективно человечеству требуется географическое знание о фактически освоенной человеком части пространства — современной предельно “разросшейся” Ойкумены. Столь же

необходимо и знание о сохраняющейся в естественном состоянии дикой природе. Только такая установка в географии дает основание воспринимать "...новое, огромного значения, охватываемое наукой явление... оно приводит нас к такому пониманию пространства-времени, в котором и пространство яснейшим образом перестает быть неподвижным пространством геометрии. Оно становится неустойчивым, динамическим, *текущим пространством*" [5].

Гуманитарное пространство России можно рассматривать как конкретно-исторический интегральный результат длительного со-развития и самоорганизации структурированных природных и общественных систем и сопряженных им процессов (производственных, инфраструктурных, бытовых и др.) [2].

Культурному ландшафту свойственна обширная информация (память) о человечестве, его взаимоотношениях с природой и создании выдающихся памятников культуры. В теоретическом отношении можно ориентироваться на мнение В.Н. Стрелецкого, что культура как географическая реальность может рассматриваться с разных точек зрения, и скорее, это должно быть представлено как географически-системное пространство в культуре [23]. Фундаментальный интерес культурной географии актуализирует вопрос "культуро- и природообразности" человеческих представлений об окружающей действительности. Впрочем, материалистическая диалектика постклассической общенаучной теории дает нам лишь пространственно-временное представление как "серию снимков", запечатлеваемых на "киноплёнке", при том, что культура человека непрерывно и наглядно формирует облик ландшафта; человеческое наследие является той частью антропогенного ландшафта, где осуществляется традиционная и культурная деятельность [9].

Зарубежными исследователями выявляется специфичность восприятия и отображения культуры в географии как дихотомии пространственно-го применения философского и психологического подходов [29]. Но пока в культурной географии поддерживаются и представляются лишь отдельные, наиболее важные фигуры из фона, или гештальты — выделенные образы объективной действительности, воспроизводимой в сознании чаще всего без непосредственного присутствия самого предмета или отношения, события или процесса, но в обязательном контексте поиска опоры на чувственную составляющую, в доле разницы совмещения интуиции и логики [2]. Гештальты в географии могут быть легко визуализированы, открыты

для интерпретаций, что позволяет ввести предельно обобщенные методологические основания для рассмотрения и "соединения" полярностей единого пространственно-временного вектора географического восприятия человека — культурного ландшафта и дикой природы [3].

Информационная основа для использования ландшафтного метода — принципиальное представление о территориальной комплексности процессов и явлений, формирующих природную составляющую среды жизнедеятельности человека. При таком подходе, разумеется, главным в определении потребности восприятия дикой природы должна быть новая культурная составляющая, которая при этом вполне очевидно выходит за рамки любых ныне известных концепций культурной географии (мнение В.Н. Калуцкова). Как возможный компромисс снижения противоречивости рассмотренного мы доказываем целесообразность обновления смысла культурного ландшафта, и вводим в предметное поле отечественной культурной географии концепт "дикая природа".

Концепция культурного ландшафта как объекта природного и культурного мирового наследия открывает новые возможности и подходы к сохранению всех ценностей окружающей среды в комплексе, в их историческом взаимодействии, она же предопределяет цель достижения устойчивого развития биосферы и общества, при том, что весьма очевидно, что природа больше уже никогда не может оставаться "дикой" в антропогенно-изменяемых ландшафтах. С культурно-географических позиций имманентные свойства территории как одного из основных объектов изучения географии достаточно полно могут быть выражены местоположением определенного географического объекта, ландшафта, комплекса, геосистемы [13, 22].

Концепт дикой природы сильно отличается от концепта культурного ландшафта. Североамериканская концепция дикой природы появилась и развивалась в XVIII — XIX вв. на противоположных позициях оригинально интерпретируемых философских идей европейского романтизма (Петрарка, Байрон, Гете) и американского трансцендентализма (Фуллер, Паркер, Дж. Рипли). Концептом дикой природы транслируется и постулируется то, что должна существовать и реально существует полная противоположность "земному очеловечиванию" — естественная, "неосвоенная", "неулучшенная", "неоптимизированная" и по-настоящему неизвестная человеку пространственная субстанция природы.

Полагаем, что именно в России, с нашими богатыми историко-культурными традициями

и “необъятными” природными просторами, мы просто обязаны найти достойное адекватное место рассмотрению и сохранению **дикой природы** – как независимой, не нуждающейся в контроле и управлении, но поддерживающей вселенский баланс и целесообразность существования нашей планеты.

Географическое перевоплощение картины “хаоса” мира – в “единой линейке познания” от дикой природы к культурному ландшафту. Дикая природа как особая природоохранная позиция приобрела широкую известность в XIX – начале XX в., где ее определение и критерии выделения получили официальное признание в Законе о дикой природе США в 1964 г. (1964 Wilderness Act). В такой литературной же классике как книга Roderick W. Nash “Wilderness and the American mind” отмечается: “У понятия дикая природа, на первый взгляд, есть обманчивая конкретность. Трудность заключается в том, что, будучи существительным, слово выступает в роли прилагательного. Нет специфического материального объекта, который выражало бы это слово. Это понятие выражает скорее качество (как следует из наличия суффикса “ness”), что продуцирует определенное настроение или ощущение у индивидуума и впоследствии может закрепляться этим индивидуумом за специфической местностью” [17].

В США представления о сущности идеи дикой природы были изложены американскими романтиками Генри Торо и Джоном Мьюиром. В своих работах они создают романтическое представление о том, дикая природа – это одно из наиболее архетипически-многозначных понятий, которое сопровождает человека через все этапы развития “западной цивилизации”, символизируя своей крайностью – неупорядоченное, неизвестное, непознанное [19]. По своей многозначной сути дикая природа – родовый архетип любого человека, философская категория, хотя понимание его может получить и “зауженное”, сугубо практическое использование, как это произошло в США и некоторых других регионах мира. Однако мы полагаем, куда как более важно осознанное отношение к дикой природе как территории, *не предназначенной* для извлечения непосредственной пользы человеком или неким локальным или даже национальным сообществом, этносом..., сохранение дикой природы на больших территориях служит “жизнеспасающим” условием для человечества.

Очень разнообразно и аддитивно этносы адаптируются к природной среде, формируя сложнейшую систему связей с природой – особую в каждом регионе, в немалой степени predeterminedную

возможностями природопользования. Ведь с каждой эпохой, с каждым поколением меняется содержание и соотношение “культурно-природной” составляющей, усиливается значимость, усложняется понимание, меняется восприятие, фундаментальная значимость существования дикой природы для человека не падает, а возрастает. Очевидно, что во всем мире поляризованный культурный ландшафт, грамотно “сконструированный” человеком, становится фактической материальной и нематериальной основой ноосферы в освоенных районах планеты, а дикая природа “отступает” физически и трансформируется в культурном восприятии и социальной необходимости.

С природоохранной позиции “дикая природа” является одной из международных категорий, обозначающих специфику и формат территориальной охраны ландшафтов, экосистем, определенных районов, выделенных в соответствии с национальными критериями в различных регионах мира. Правительство США, используя идею сохранения дикой природы уже более полувека назад, смогло осуществить эффективное объединение всех существующих охраняемых территорий на территории своей страны. Но основой восприятия дикой природы остается познание еще неизвестного, с наращиванием нового знания и минимально-вероятностной потерей человеческого стремления отделять “известное от неизвестного” [3].

Образ природы в XX в. усложнился: он не просто дифференцировался, следует констатировать, что прежний образ распался и упростился, теперь доминирует прагматика позиции, что природа нужна лишь как материальный объект для удовлетворения эгоистичных целей человека. Важно понимать, что в сравнении с протестантским заокеанско-европейским опытом “дикая природа” в применении к территории России представляет собой совершенно иной, не раскрытый ранее географический концепт, идеальную научную конструкцию, в которой высвечиваются, тем не менее, достаточно объективно многочисленные свидетельства особой важности естественного функционирования природных экосистем нашей страны.

В научном дискурсе культурной географии, и прежде всего в гуманитарном, географическом и историческом ее векторе познания, может успешно поддерживаться идея о неповторимости и уникальности каждого явления и процесса действительности, целостно представленного в меняющихся гештальтах восприятия. Впрочем, онтологически в такой контрастной дихотомической проявленности и в их противопоставленности заключается трансцендентный смысл

объединения чувственного (образного) и рационального (логического) познавательных стилей географического мышления. Более того, взаимодействие между этнической культурой и природой не просто существует, оно детерминировано, хотя это не просто влияние, а имеющее обоюдный характер взаимовлияние.

Новый вектор природопользования и аборигенный ландшафт. Современный человек сохранил лишь минимальный непосредственный контакт с природой. Этот контакт совершенно иной, чем в реальности предков – тех, что вели постоянную борьбу за выживание. С этим пока в “противофазе” коррелирует то обстоятельство, что специфика культурного ландшафта – это свойства поляризованного ландшафта, у которого, с одной стороны, должны сохраняться функции природного ландшафта (средоформирующие, ресурсовоспроизводящие, хранения генофонда биосферы и др.), а с другой – функции обустройства “мест” и “районов” с целью создания комфортных условий жизни человека, как материальных, так и духовных. Только так может быть убедительно доказано, что взаимовлияние между этнической культурой и природой существует априори, оно обоудно, поскольку этносы адаптируются к природной среде, формируя сложнейшую систему связей с природой, детерминированно-особых в каждом регионе, что и определяет один из важнейших факторов формирования регионального цивилизационного генотипа [6, с. 109].

В.А. Кобылянский выделяет “очеловеченно-географические” процессы как особые физико-географические процессы, освоенные материальной и духовной деятельностью людей с целью их использования в интересах человека и общества [11]. Связь между культурой и окружающей человека естественной природной средой особо осознается именно коренными народами, продолжающими вести традиционный образ жизни. Все коренные народы поддерживают духовные, культурные, социальные и экономические связи со своими традиционными землями, но быстро теряют эти способности на интенсивно осваиваемой и в пределах освоенной территории. Очевидно, что лишь в противопоставлении концептов “дикая природа” и “культурный ландшафт” можно убедительно, аргументированно и объективно показывать, воспринимать и учитывать нужный баланс между культурным и биологическим в социально-экономическом развитии человечества [3]. Хорошо известно, что в своем англоязычном значении термин “ландшафт” сохранил “средовое” значение,

что было предопределено антропологическим подходом прошлых веков [12, 14].

Такое понимание раскрывается в концепции Б.Б. Родомана “поляризованной биосферы”, в которой объединены и разнесены с природой как дуальные категории полюса противоположности; только таким образом и формируется идеальная модель, базовый конструкт сбалансированного геопространства. Любой ландшафт обладает целостной территориальной приуроченностью, но для восприятия его феномена человек должен понимать свое бытие, интерпретируя знаки, значения, образы и тексты¹, которыми дает о себе нам знать окружающий мир. Но в наследии человечества важны как природная, так и культурная составляющие, именно поэтому необходима новая особая пространственно-временная фиксация явлений и взаимосвязей дикой природы [7].

Ю.Г. Тютюнник утверждает, что существует три способа познания ландшафта: метафизический, формализованный и символический, хотя как фундаментальную категорию ландшафт можно определять, представлять самыми разными способами [26]. Этнокультурный ландшафт может признаваться частным случаем малонарушенного антропогенного ландшафта, точнее воспринимаемого таковым и выделяемым лишь в смысле человеческого комфорта преобразованности и восприятия [25]. Таким образом, в использовании понятия “дикая природа” в России необходимо данный термин “наполнить” более глубоким смыслом с учетом отечественных лингвистических и семантических принципов, объективно учитывая, что русскоязычный смысл при дословном переводе является лишь “калькой” англоязычного словосочетания “Wilderness”.

В настоящее время 80% площади азиатской части России еще составляют территории, где локально, но вполне еще регулярно практикуется традиционное природопользование коренных народов. Традиционное природопользование можно воспринимать как основной показатель этнокультурного выделения и визуализации незатронутой человеческим воздействием территории, включая буферные зоны.

Отметим здесь, что традиционное природопользование коренных малочисленных народов выражает экологическую культуру традиционного

¹ Перечисленное следует понимать как последовательность, связность, совокупность любых элементарных значений, фиксируемых нашими органами чувств, имеющими собственный индивидуальный, отличный от элементарных значений смысл [1].

общества, отличную от “западной” и позволяющую строить стратегии устойчивого развития, исходя из другого культурного контекста, нежели это делает “западная” экология. Здесь совершенно иначе проявляется семантически значимый понятийный треугольник “природа – этнос – культура”, что особенно важно с точки зрения гуманитарной и стремительно меняющейся отечественной культурной географии [23]. Данный особый “формат” аборигенного взаимодействия с дикой природой, распознаваемый как специфический способ сохранения имманентной человеческой способности формирования особого этнокультурного пространства, возможен лишь при сохранении традиционного образа жизни и хозяйствования коренных малочисленных народов в местах их исторического обитания [28].

С культурно-географических позиций нами было проведено сопоставление территорий традиционной жизнедеятельности коренных малочисленных народов и сохранности в их пределах естественных природных малонарушенных территорий.

Участки дикой природы идентифицируются во многих странах мира как одна из форм территориальной охраны природы, которая по международным критериям Международного союза охраны природы (МСОП-IUCN) приравнивается к созданию заповедников с их наиболее строгим режимом охраны [30]. В практической апробации расчета и визуализации поляризованного пространства России на основе технологий ГИС мы идентифицировали и наглядно показали “бездорожные” и “ненаселенные” человеком территории, что позволило в бинарной кодировке (“очеловеченная природа” – “дикая природа” или “есть – нет”) представить с высокой точностью характер распределения участков дикой природы, а следовательно, и реальное заселенное человеком пространство нашей страны [4]. Нами была осуществлена своего рода инвентаризация геопространства дикой природы, в ее сравнении с остальной, но уже в различной степени трансформированной территорией страны, включая территориальные природоохранные объекты всех типов, в том числе и районы компактного проживания аборигенного населения (рис. 1).

Вследствие переоценки значимости дикой природы как природного капитала и национального богатства появилась принципиально иная возможность рассмотреть феномен “пространственно-го сжатия” экономического пространства страны (рис. 2). И хотя пока еще сделаны только первые шаги в признании “особости” дикой природы, мы полагаем, что полученный и рассмотренный здесь

опыт органично предопределяет постановку новых теоретических и разработку целого ряда практических задач в научном дискурсе отечественной культурной географии.

Содержание проведенных нами исследований свидетельствует о необходимости пересмотра реальной значимости традиционного природопользования коренных малочисленных народов [24]. В частности, нами были обобщены и наглядно продемонстрированы реальные пространственные паттерны “уцелевшей” доли дикой природы в нашей стране.

К большому сожалению, можно отметить, что таковые имеются лишь в “физических пределах”, благодаря тем дистанциям, огромным расстояниям в азиатской части России, которые отдаляют бездорожьем малоосвоенные территории. Как фундаментальную культурно-географическую задачу обозначим здесь то, что человек как биосоциальное существо для своей полноценной жизнедеятельности и развития не только нуждается в качественной социальной среде, но и должен обеспечивать сохранение в нужной пропорции природного окружения как естественной среды своего обитания.

Заключение. Итак констатируем, что на современном этапе геоинформационные технологии с высоким уровнем эффективности позволяют создавать, управлять и поддерживать исследовательский процесс в общественной географии. Рассматривая территории дикой природы как резервную сеть, возможно понять те природоохранные мотивы, благодаря которым в США были научно обоснованы и многократно апробированы достаточно строгие правила идентификации, установления официального природоохранного статуса и обязательного картографирования дикой природы.

Главный вывод из проделанной кропотливой и “объемной” работы по расчету и визуализации “пространства живой природы” России состоит в том, что выделенные как особые “ничейные” зоны крупные целостные территории дикой природы не только гарантировали в прошлом, но и сейчас обеспечивают уникальные возможности поддержания традиционного образа жизни и ведения хозяйственной деятельности коренными малочисленными народами. Выполненные расчеты фактической сохранности дикой природы убеждают в необходимости дальнейшего ведения мониторинга ее состояния и осуществления дальнейших расчетов по определению “порогового значения” ее представленности на планете как важнейшего условия и гарантии существования человечества.

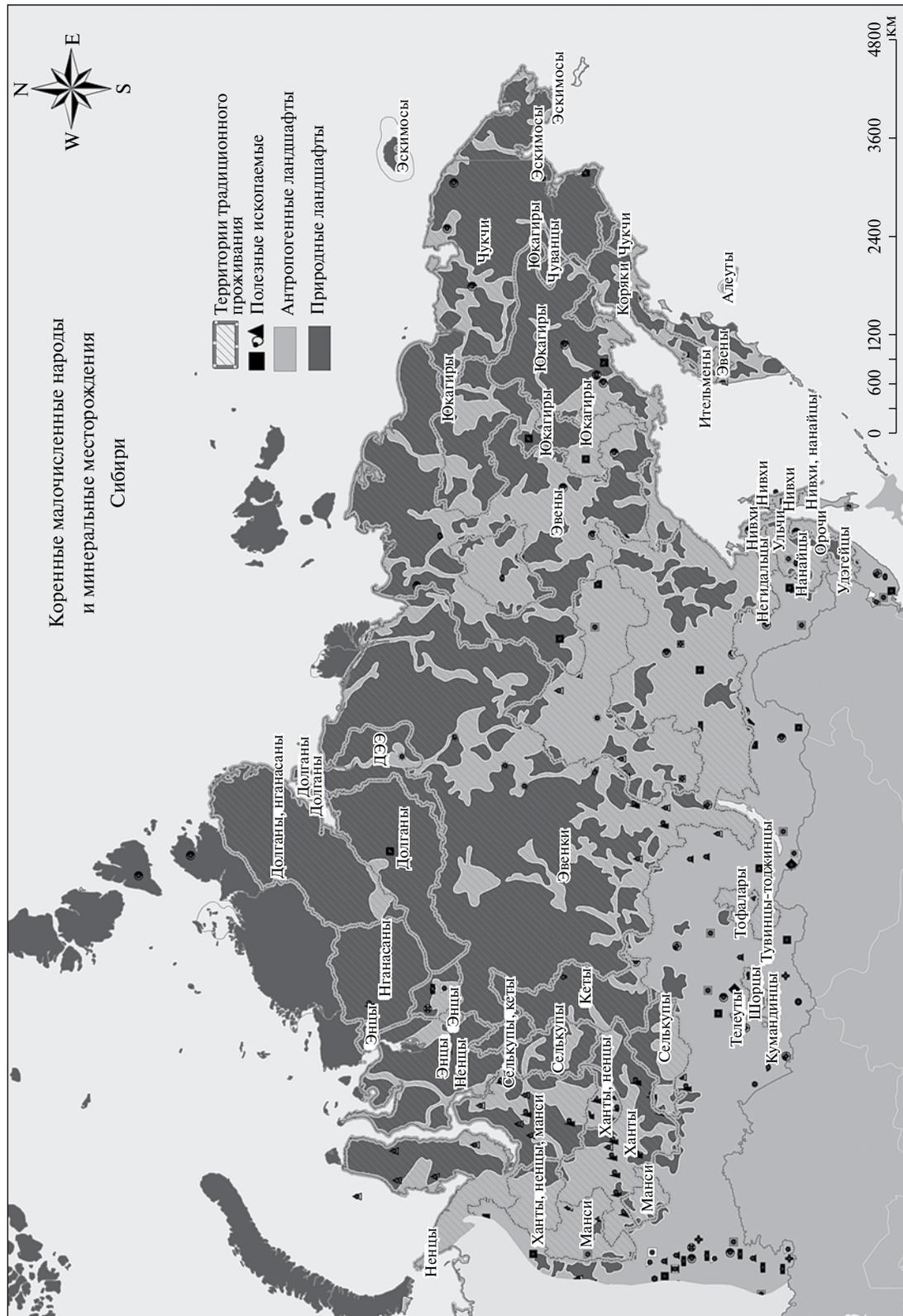

Рис. 2. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов России, дикая природа и крупные эксплуатируемые месторождения Сибири. Легенда карты показана на рисунке. Буквенное сокращение "ДЭЭ" обозначает – долганы, эвенки, энцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бочарников В.Н.* Человек в реальности проекций. Учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Мор. гос. ун-та, 2011. 332 с.
2. *Бочарников В.Н.* Феномен гештальта в парадигме социально-экономической географии // Астраханский вестн. экологического образования. 2012. № 3. С. 54–63.
3. *Бочарников В.Н.* Ценности в дикой природе для современного человека – новый актуальный фокус междисциплинарных исследований // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 4. С. 97–104.
4. *Бочарников В.Н.* Географическое познание и индивидуализм, восприятие и исследовательский образ – важные вопросы социально-экономической географии // Географический вестник. 2013. № 2. С. 14–24.
5. *Бочарников В.Н.* Общественная наука о “дикой природе”. Тематический обзор. Часть 1,2 // Астраханский вестник экологического образования. 2015. № 3, 4. С. 131–147; С. 23–43.
6. *Бочарников В.Н.* Культурные ландшафты и дикая природа – рефлексия научного восприятия в культурной географии // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 1. С. 116–127.
7. *Бочарников В.Н., Егидарев Е.Г.* Дикая природа – новый природоохранный индекс // Проблемы региональной экологии. 2015. № 5. С. 75–80.
8. *Вернадский В.И.* Проблема времени, пространства и симметрии. Доклад на общем собрании АН СССР 26. XII.1931 г. “Изв. АН СССР” (серия ОМЕН). № 4. 1932. С. 511–554. URL. http://www.vvvasilyev.ru/Kulturo1/Vernadski/PVPiS_4.htm (дата обращения: 15 марта 2016 г.).
9. *Герасименко Т.И., Гладкий И.Ю.* Ландшафтный фактор формирования этнокультурной среды // Вестн. ОГУ. 2005. № 2. С. 108–112.
10. *Гладкий Ю.Н.* Культурная география: трудности институционализации // Изв. РГО. Т. 112. Вып. 6. 2010. С. 1–13.
11. *Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н.* Культурная география: шаг к истокам? // Вестн. СПбГУ. Сер. 7. Вып. 3. 2011. С. 60–72.
12. *Исаченко А.Г.* Глобальная система ландшафтных макрорегионов // Изв. РГО. Т. 139. Вып. 1. 2007. С. 3–18.
13. *Каганский В.Л.* Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 134–145.
14. *Кобылянский В.А.* Философия экологии. Краткий курс. Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2010. 632 с.
15. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. URL. <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 5 июля 2014 г.).
16. *Котляков В.М., Арманд А.Д., Дроздов А.В., Люри Д.И., Нефедова Т.Г., Тишков А.А.* Ландшафтные исследования в институте географии РАН: состояние и перспективы накануне 90-летия // Ландшафтоведение: теория, методы, региональные исследования, практика. Матер. XI Междунар. ландшафтной конф. / Ред. К.Н. Дьяконов, Н.С. Касимов и др. М.: Географический факультет Моск. ун-та имени М.В. Ломоносова, 2006. С. 14–15.
17. *Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты и перспективы расширения представительства России в Списке всемирного наследия // Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 5. С. 71–80.
18. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с. URL. http://philosophy.ru/library/myth/levi_strauss_think.pdf (дата обращения: 23 сентября 2016 г.).
19. *Нэш Р.* Дикая природа и американский разум. URL. http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/nesh_dikaja/00.aspx (дата обращения: 12 октября 2015 г.).
20. *Петренко В.Ф., Супрун А.П.* Методология психосематики в контексте философии постнеклассической рациональности и квантовой физики // Вестн. РАН. 2015. Т. 85, № 10. С. 896–905.
21. *Покровский Н.Е.* Генри Торо. М.: Мысль, 1983. 188 с.
22. *Рагулина М.В.* Научное наследие В.Б. Сочавы и перспективы культурной географии // География и природные ресурсы. 2016. № 1. С. 5–14.
23. *Сокулер З.А.* Методология гуманитарного познания и концепция “Власти–знания” Мишеля Фуко // Философия науки и техники. 1998. № 1. С. 174–182.
24. *Сочава В.Б.* Теоретическая и прикладная география. Избр. труды. Новосибирск: Наука, 2005. 288 с.
25. *Стрелецкий В.Н.* Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 21–33.
26. *Тураев В.А., Суляндзига Р.В., Суляндзига П.В., Бочарников В.Н.* Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Серия: Библиотека коренных народов Севера. М. 2005. 464 с.
27. *Тютюнник Ю.Г.* Понимание ландшафта // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 2. С. 30–38.
28. *Тютюнник Ю.Г.* Пролиферация понятия “ландшафт”: почему она происходит и как относиться к ней географам? // Изв. РГО. Т. 145. Вып. 5. 2013. С. 66–78.
29. *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма: традиции скептицизма в современной философии и теории познания. 2000. 332 с.
30. *Bocharnikov V., Laletin A., Angelstam P., Domashov I., Elbakidze M., Kaspruk O., Sayadyan H., Solovyi I., Shukurov E., and Urushadze T.* Russia, Ukraine, the Caucasus, and Central Asia // Traditional Forest-Related Knowledge: Sustaining Communities, Ecosystems and

- Biocultural Diversity / Parrota J.A., Trosper R.L. (Ed.) World Forest Series. Springer. 2011. Vol. 12. P. 251–279.
31. Booth K.I. What a Difference Place Makes // Qualitative Inquiry. Vol 21. Issue 1. P. 20–27.
 32. Mapping Wilderness // Concepts, Techniques and Applications / S.J. Carver and S.F. Fritz (Ed). Springer, 2016. 204 p.
 33. Sanderson E.W., Jaiteh M., Levy M.A., Redford K.H., Wannebo A.V., and Woolmer G. The human footprint and the last of the wild // BioScience. 2002. N 52. P. 891–904.
- REFERENCES
1. Bocharnikov V.N. *Chelovek v realnosti proektsii* [Man in Projection of Realities]. Vladivostok: Mor. Gos. Univ., 2011. 332 p.
 2. Bocharnikov V.N. The Gestalt Phenomenon in the Paradigm of Human Geography. *Astrakhanskiy Vestn. Ecolog. Obrazovaniya*, 2012, no. 3, pp. 54–63. (In Russ.).
 3. Bocharnikov V.N. Wilderness values for humans as a new interdisciplinary research direction. *Astrakhanskiy Vestn. Ecolog. Obrazovaniya*, 2012, no. 4, pp. 97–104. (In Russ.).
 4. Bocharnikov V.N. Geographical knowledge and individualism, perception and research image are important issues of socio-economic geography. *Geogr. Vestn.*, 2013, no. 2, pp. 14–24. (In Russ.).
 5. Bocharnikov V.N. Social Science of “wilderness”. Thematic review. *Astrakhanskiy Vestn. Ecolog. Obrazovaniya*, 2015, no. 3, 4, pp. 131–147; pp. 23–43. (In Russ.).
 6. Bocharnikov V.N. Cultural Landscapes and Wilderness – Reflection of Scientific Perception in Cultural Geography. *Gumanitarny Vektor*, 2016, no. 11 (1), pp. 116–127. (In Russ.).
 7. Bocharnikov V.N., Egidarev E.G. Wilderness is a new indicator for the assessment of the existing anthropogenic transformation of the territory of Russia. *Problemy regionalnoi ecologii*, 2015, no. 5, pp. 75–80. (In Russ.).
 8. Vernadskii V.I. The problem of time, space and symmetry. Doclad na obshchem sobranii AN SSSR 26. XII. 1931 g. *Izv. AN SSSR, Ser. OMEN*, 1932, no. 4, pp. 511–554, http://www.vvasilyev.ru/Kulturolog/Vernadski/PVPiS_4.htm. (In Russ.).
 9. Gerasimenko T.I., Gladkii I.Yu. Landscape factor of ethno-cultural environment formation. *Vestn. OGU*, 2005, no. 2, pp. 108–112. (In Russ.).
 10. Gladkii Yu. N. Cultural geography: the difficulties of institutionalization. *Izv. RGO*, 2010, no. 112 (6), pp. 1–13. (In Russ.).
 11. Grigoriev A.I.A., Paranina G.N. Cultural geography: a step to the roots? *Vestn. SPbGU*, Ser. 7, 2011, no. 3, pp. 60–72. (In Russ.).
 12. Isachenko A.G. Global landscape macro-region system. *Izv. RGO*, 2007, no. 139 (1), pp. 3–18. (In Russ.).
 13. Kaganskii V.L. Landscape and Culture. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, 1997, no. 1, pp. 134–145. (In Russ.).
 14. Kobylaynskii V.A. *Philosophia ecologiae. Kratkii kurs* [The Philosophy of Ecology. Short Course.]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2010. 632 p.
 15. Convention concerning the protection of the World cultural and Natural Heritage. Available at: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (accessed 5.07.2014)
 16. Kotlyakov V.M., Armand A.D., Drozdov A.V., Luyri D.I., Nefedova T.G., Tishkov A.A. Landscape research at Institute of geography Russian Academy of Sciences: status and prospects ahead of 90th anniversary, In *Mat. XI Megh. landshaftnoi konferentsii* (Proc. Landscape studies: theory, methods, regional studies, practice, Moscow, 22–25 August, 2006). 2006, Moscow: MGU, pp. 14–15. (In Russ.).
 17. Kuleshova M.E. Cultural landscapes and prospects of expanding Russia’s representation in the World Heritage List. *Izv. RGO*, 2012, 144 (5), pp. 71–80. (In Russ.).
 18. Claude Lévi Strauss. *Pervobytnoe myshlenie* [The Savage Mind]. Moscow: Respublika Publ. 1994. 384 p. Available at: http://philosophy.ru/library/myth/levi_strauss_think.pdf (accessed 23.09.2016).
 19. Nash R. Wilderness and American Mind. Available at: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/nesh_dikaja/00.aspx (accessed 12.10.2015)
 20. Petrenko V.F., Suprun A.P. The methodology of psychosemantics in the context of post-nonclassical rationality philosophy and quantum physics. *Vestn. RAN*, 2015, 85 (10), pp. 896–905. (In Russ.).
 21. Pokrovskii N.E. Henry Thoreau [Genry Toro]. Moscow: Mysl Publ., 1983. 188 p.
 22. Ragulina M.V. Scientific heritage of V.B. Sochava and prospects of cultural geography. *Geografiya i Prirodnye Resursy*, 2016, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.).
 23. Sokuler Z.A. Methodology of humanitarian knowledge and the concept of” Power-knowledge “ by Michel Foucault. *Philosophiya Nauki i Tekhniki*, 1998, no. 1, pp. 174–182. (In Russ.).
 24. Sochava V.B. *Teoreticheskaya i prikladnaya geografiya* [Theoretical and Applied Geography]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 288 p.
 25. Streletskiy V.N. Cultural geography in Russia: peculiarities of formation and development. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2008, no. 5, pp. 21–33. (In Russ.).
 26. Turaev V.A., Suliandziga R.V., Suliandziga P.V., Bocharnikov V.N. *Entsiclopediya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiiskoi Federatsii* [Encyclopedia of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. Moscow, 2005. 464 p.
 27. Tuytuyunnik Yu. G. An understanding of the landscape. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, no. 2, 1998, pp. 30–38. (In Russ.).

28. Tuytuynnik Yu.G. Proliferation of the concept “landscape”: why it occurs and how to treat it geographers? *Izv. RGO*, 2013, no. 5, pp. 66–78. (In Russ.).
29. Tsokolov S. *Diskurs ratsionalnogo konstruktivizma: traditsii i sseptitsyzma v sovremennoi filosofii i teorii poznanya* [The Discourse of Radical Constructivism: a Tradition of Skepticism in Modern Philosophy and Theory of Knowledge]. Phren, Munchen Publ. 2000. 332 p.
30. Bocharnikov V., Laletin A., Angelstam P., Domashov I., Elbakidze M., Kaspruk O., Sayadyan H., Solovyi I., Shukurov E., Urushadze T. Traditional Forest-Related Knowledge: Sustaining Communities, Ecosystems and Biocultural Diversity. Parrota J.A., Trosper R.L., Eds. World Forest Series, Vol. 12. Springer, 2011. pp. 251–279.
31. Booth K.I. What a Difference Place Makes. *Qualitative Inquiry*, 2015, 21 (1), pp. 20–27.
32. Mapping Wilderness. Concepts, Techniques and Applications. S.J. Carver and S.F. Fritz, Eds. Springer, 2016. 204 p.
33. Sanderson E.W., Jaiteh M., Levy M.A., Redford K.H., Wannebo A.V., Woolmer G. The human footprint and the last of the wild. *BioScience*, 2002, 52, pp. 891–904.